

РУССКИЙ ФИТОМОРФНЫЙ КОД В СОПОСТАВЛЕНИИ С ПОЛЬСКИМ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

А. А. Шарейко

Люди, будучи частью природы, всегда учились у окружающего их мира животных и растений. Растения составляли основу пищи, являлись лекарственными средствами для них и домашнего скота. Отношение человека к флоре особенно заметно в фольклоре и языке. Поэтому не случайно, что называющие растения слова стали метафорически называть людей, которым приписывают те или иные свойства растений. В лингвистике, как известно, такая метафоризация обозначается термином *фитоморфизм*, под которым понимается наделение чертами растений людей, реальных или воображаемых предметов.

Настоящим кладом знаний о людях и окружающем их мире является фразеология. Фразеологический материал отражает историю, материальную и духовную культуру народа. Благодаря ему мы можем увидеть, как окружающий мир влиял на его повседневную жизнь.

В качестве причины, лежащей в основе символизации растения и формирования его семиотического статуса, рассматриваются объективные признаки растений: их цвет, запах, вкус, место произрастания, форма отдельных органов и т.д.

Элемент кода – *образ предмета реальной действительности* (в данном случае – растительной реалии), существующий в сознании человека и отражающий представления носителя русского языка о номинируемом объекте, или *метафорический сюжет с использованием какого-либо образа предмета реальной действительности* (то есть образ, сконструированный на основе растительного образа) [1, с. 58].

Элемент кода показывает иные реалии и объекты, отражая взгляд носителя языка на окружающую действительность. Для выражения эмоций и оценки внешнего вида и качеств человека активно используется фитоморфный элемент кода. Нами было проведено сопоставительное исследование элементов русской и польской фразеологии для выявления общего и специфического в использовании фитоморфного кода. Несмотря на то, что польский и русский являются родственными языками, в их семантике и функционировании фразеологизмов с фитоморфными элементами можно найти существенные различия. Рассмотрим некоторые характеристики человека с использованием фразеологизмов с фитоморфными элементами.

1. ИНТЕЛЛЕКТ

В обоих языках широко представлены фразеологизмы с компонентом *голова*, которые определяют низкий интеллект человека: *голова соломой набита* (у кого), *моховая голова*, *голова еловая*, *голова садовая*, *солома в голове*. В польском подобное значение имеют *kapuściana głowa*, тж. *kapuściany głób (leb) прот.*, *ktoś dostał fioła*, тж. *ktoś ma jakiegoś <lekkiego> fioła (fiołka) <w głowie>*. Как мы уже отметили, фитоморфизмы в обоих языках используются для отрицательной характеристики интеллектуальных способностей, хотя состав фитоморфизмов при этом разный: *солома*, *мох*, *ель*, *сад* – в русском, *kapusta*, *fioł* – в польском. Исключением стал польский фразеологизм *widzieć (słyszeć), jak trawa rośnie* со значением положительной оценки интеллектуальных качеств человека, соответствия которому нет в русском языке и который можно буквально перевести на русский как *видеть (слышать), как трава растет*.

2. ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

В польском языке честный человек сравнивается с лилией: *ktoś czysty jak lilia*, в то время как в русском языке этот цветок ассоциируется со скромностью: *скромная как лилия*.

3. ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

В польском языке слабослышащий, глухой человек ассоциируется с пнем – *głuchy jak pień*, чего мы не найдем в русском, где *пень* – олицетворение глупости: *пень пнем*.

4. ВОЗРАСТ

Старый, пожилой мужчина для поляков – *stary grzyb*. Для русских он – *старый хрен*, причем оба выражения обладают пейоративной семантикой, которая оценивает не столько возраст, сколько ментальные способности пожилого человека или его действия. Возраст женщины с помощью фитоморфизмов отражен только в русском: *сорок пять – баба ягодка опять; как цветочек*.

5. ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ

Неодобрительная эмоциональная оценка в обоих языках выражается с использованием названий фруктов. В русском языке само слово *фрукт* (ну и фрукт!, что за фрукт!) используется для характеристики человека, совершившего достойный осуждения поступок. Поляки в такой же ситуации вспоминают *ананас* (*a to <ci> ananas!*, тж. *dobry z ciebie (niego itp.) ananas!*, *co za ananas*).

6. СМЕРТЬ

В русском языке в ряду большого списка фразеологизмов со значением ‘умереть’ (*протянуть ноги, сыграть в ящик* и др.) используется фразеологизм с компонентом *дуб*: *дать дуба*. Причем применение его ограничено физическими параметрами человека, о котором говорят: «Но самые могучие когда помирают, железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что „дуба дают“». Так про них и говорят: „А наш-то, слышали, дуба дал“» (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев). В польском в похожем случае используется фразеологизм с компонентом *цветок*: *wachać kwiatki od spodu*.

7. НЕОБЫЧНОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ

Несмотря на использование различных фитоморфизмов, данные выражения имеют сходное значение: *шут гороховый* и *amator kwaśnych jabłek* ‘любитель кислых яблок’. И в том, и в другом случае оценивается необычная манера поведения, манера одеваться с пейоративной оценкой.

8. САМОМНЕНИЕ

В русском языке оно ассоциируется *шишкой* (*шишка на ровном месте*), а в польском – с *грибом дождевиком* (*ktoś nadęty jak purchawka*). Так обычно говорят о незначительном, посредственном, недалеком человеке, возмнившем себя важным, непомерно высоко оценивающим свои возможности и достоинства. Ср.: «Это чтобы я вместе с ним сурепку дергал? Ну, уж это, брат, извиняй. Не мужчинское это дело, к тому же я ишо не кто-нибудь, а председатель сельсовета. – Не велика шишка. Прямо сказать, так себе шишка на ровном месте!» (М. Шолохов. Поднятая целина).

9. ЦВЕТ КОЖИ

В польском языке есть фразеологизмы, описывающие темный цвет кожи, подобный цвету *эбенового дерева*: *czarny jak heban, opalony jak (na) heban*. В русской фразеологии в схожей ситуации используется сравнение с продуктом, получаемым при переработке плодов кофейного дерева – *шоколадом*: «Девушка темнее шоколада / как-то на закуску подала / золотые кисти винограда, / по которым ползала пчела» (Песенный фольклор).

10. НАХОЖДЕНИЕ В ДЕВИЧЕСТВЕ

«Сидение» в девках в русском языке соотносится с *маком* (*маком сидеть*), в польском – с *петрушкой* (*siać (skrobać, sprzedawać) pietruszkę*).

11. ПРОДОЛЖЕНИЕ РОДА

Для поляков ребенок является не только *плодом любви* (*owoc miłości*), но и греха (*owoc grzechu*). В русском дети – *цветы* жизни, а также *плоды любви* и *греха*: «Свет везде бездушен, а ведь она плод любви понесла!» (И. А. Бунин. Святые»). «Поможем детям! Будем помнить, что дети – цветы жизни» (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Таким образом, во фразеологии наиболее ярко обнаруживаются семантические признаки национальной языковой картины мира, представления человека и особенности восприятия действительности. Сопоставительный анализ фразеологизмов с названиями растений в русском и польском языках демонстрирует общие и отличительные черты языков и специфику культур.

Литература

1. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в зеркале «растительных» метафор // Вопр. языкознания. 2006. № 5. С. 57–77.

РАЗНОВИДНОСТИ СИНЕКДОХИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ РИТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ

А. В. Шилова

Цель нашего исследования – сопоставить объем понятия «синекдоха» и ее разновидности в эллинистическом трактате Трифона «О тропах» («Περὶ τρῶπων», I в. до н.э.) и в византийском трактате Анонима «О поэтических тропах» («Περὶ ποιητικῶν τρῶπων»).

В современной лингвостилистике данный термин трактуется следующим образом: «Синекдоха (от греч. *συνεκδοχή* – понимание посредством чего-то, соподраживание) – троп, в основе которого лежит перенесение значения одного слова на другое по количественному признаку: замена названия целого названием какой-либо его части или наоборот» [7, с. 289].

Трифон определяет синекдоху так: «*Συνεκδοχή ἐστὶ φράσις οὐ κατὰ τὸ πλῆρες ἐξενηγευμένη, προσδεομένη δὲ τινος ἕξωθεν ἀκολουθίας*» ‘Синекдоха – это выражение, проявляющееся не по полноте, а нуждающееся в каком-то соответствии извне’ (здесь и далее перевод наш. – А. Ш.) [2, с. 195]. Трифон ставит синекдоху сразу после метонимии (на 7-м месте в списке), чем наглядно демонстрирует близость данных тропов.

У Анонима синекдоха занимает также 7-е место в списке тропов, тогда как метонимия – на 5-м. Автор дает довольно расплывчатое определение синекдохи, явно восходящее к Трифону: «*Συνεκδοχή ἐστὶ φράσις ἣ*